ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ («СВЕДУЩИХ ЛЮДЕЙ») В РОССИЙСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ XI—XVIII вв.

ВАК: 12.00.02, 23.00.01 ГРНТИ: 10.09.00

Е.В. Цыганкова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия

АННОТАЦИЯ:
В гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации установлено, что экспертиза относится к средствам, используемым при возникновении в процессе рассмотрения дел вопросов, требующих применения специальных знаний. В юридической науке экспертиза определяется как институт процессуального права, и поэтому, как всякий правовой институт, она обладает исторической традицией формирования и последующего развития. В каждой стране эта традиция имела свои закономерности и особенности, которые необходимо учитывать при совершенствовании законодательства на современном этапе. Поэтому исследование истории российской экспертизы, в том числе законодательного обеспечения ее применения в гражданском процессе, является одной из важных проблем историко-правовой науки. Эта проблема достаточно хорошо изучена на материалах советского и современного гражданского процесса, но формирование и развитие института экспертизы на протяжении всей многовековой истории русского права еще не нашла всестороннего освещения в историко-правовой литературе.

Одной из актуальных **научных задач** является реконструирование по законодательным источникам постепенной дифференциации из всего процессуального права института экспертизы, начиная с времени Древней Руси и до судебной реформы 1864 г.

Методологической основой проведения такой историко-правовой реконструкции является диалектическое соединение формально-юридического и сравнительно-правового методов.

Информационная база научного исследования данной научной задачи обеспечивается комплексом опубликованных законодательных документов времени Древней Руси, Московского государства и Российской империи, в которых затрагивались вопросы применения экспертных знаний (знаний «сведущих людей» в принятой в России терминологии) в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Основные **результаты** исследования заключаются в определении тенденций развития в правосознании данных периодов времени представлений о необходимости и полезности привлечения специальных знаний для решения сложных вопросов судопроизводства.

Исследование позволяет прийти к **выводам**, что зарождение таких представлений происходило во времена Древнерусского государства, законодательно оформляться начало в Московском государстве и дифференцироваться как элемент, прежде всего, уголовного судопроизводства в XVIII веке. Такой характер развития объяснялся тем, что основная практическая заинтересованность власти в использовании специальных знаний обеспечила на протяжении этого времени ведущие позиции медицинской экспертизе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная экспертиза, эксперт, процессуальное право.

© Цыганкова Е.В., 2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Евгения Владимировна Цыганкова — Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (660020, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); sherstennikova_e@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цыганкова Е.В. (2020). Историко-правовые предпосылки возникновения института судебной экспертизы («сведущих людей») в российском процессуальном праве XI–XVIII вв. // Муниципалитет: экономика и управление. № 3 (32). С. 16–24.

В дореволюционной, советской и современной российской юридической литературе, в той или иной мере касавшейся истории отечественной судебной экспертизы, как правило, отмечается, что она возникла ещё в Древней Руси и получила распространение, особенно при решении уголовных дел, в Московском государстве. Однако отдельного исследования этот вопрос до сих пор не получил, и на это есть свои причины.

Трудности в определении истоков и складывания правовых предпосылок формирования института судебной экспертизы в России в значительной мере связаны с особенностями правового развития российского общества, замедленностью процесса дифференциации позитивного и обычного права. Даже в эпоху Московского царства, когда, как отмечал, например, известный историк права Н. П. Загоскин, прослеживалось «вполне сознательное и последовательное стремление государственной власти к закреплению силы права путем облечения его в письменную форму и к кодификации законодательного материала», обычное право «продолжало собою определять значительную массу отношений и институтов» [1, с. 29–30]. По оценке другого видного историка права А. Н. Филиппова, «законодатели на Москве лишь санкционируют в своих нормах то, что соответствует народным правовоззрениям. От влияния этих правовоззрений довольно редко уходили распоряжения московских государей и приговоры их законодательных органов» [2, с. 517].

Поэтому на протяжении XV–XVII вв. в законодательстве фиксируется частое смешение норм частного и публичного, материального и процессуального права (к примеру, в Судебниках 1497 и 1550 гг.). Подобная недифференцированность, отсутствие кодификации реально применявшихся на практике правовых норм, принятых в обычно-правовых отношениях, не позволяют однозначно утверждать, что отсутствие в законодательстве до середины XVII в. каких-либо прямых указаний на участие в разрешении судебных дел «сторонних», «опытных», «сведущих» людей доказывает, что такой судебной практики вообще не было.

Более того, если обратиться к древнерусской истории, то в главном юридическом памятнике той эпохи — Русской Правде — можно обнаружить упоминание об использовании «лекарских» (медицинских) знаний при разрешении дел, связанных с телесными повреждениями, то есть свидетельство о зарождении, пользуясь современной терминологией, «судебно-медицинской экспертизы».

Так, уже в ст. 2 самой первой Краткой редакции Русской Правды (XI в.) обнаруживается норма, согласно которой, если потерпевший от обидчика получит какое-либо телесное повреждение («будет кровав»), но не сможет сам ему отомстить, то «взяти ему за обиду 3 гривне, а летцюмъзда» [3, с. 47]. Эта формулировка означала, что обидчик должен был уплатить как штраф потерпевшему, так и лекарю за услуги, тому оказанные. «Хотя это правило содержится только в одной статье, — отмечается в современном научном комментарии к тексту Краткой редакции, — представляется, что оно применялось во всех случаях, касающихся телесных повреждений». Поскольку размер платы лекарю в этой статье не определялся, то допустимо предположить, что он зависел от лекарской оценки степени вреда, нанесённого потерпевшему. Конечно, по этой статье нельзя однозначно приписывать лекарю роль медицинского эксперта (в современном понимании этого термина), но, во всяком случае, его можно считать одним из участников разрешения уголовного дела, который, опираясь на свои «лекарские познания», мог определить ущерб от телесного повреждения.

В Пространной редакции Русской Правды (XII в.) в ст. 30 устанавливалось, что «аже ударить мечемъ, а не утнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, (о)же лечебное». Из текста этой статьи сложнее определить роль лекаря в решении самого вопроса о штрафе в гривну за лечение, но во всяком случае закон вновь признавал оплату услуг лекаря как один из результатов решения суда, определяющего вину обидчика.

Кроме того, в целом ряде статей (28, 29, 31, 67, 68) устанавливались штрафы («продажи») за различные телесные повреждения (членовредительство, раны, ушибы и т. д.). Хотя в них и не упоминались «лекари», но весьма вероятно, что решения о штрафе за эти телесные повреждения принимались с учётом мнения человека, владевшего врачебными навыками и оттого способного определить характер и причину физического увечья или повреждения.

Поэтому можно согласиться с исследователями, считающими, что при решении уголовных дел, связанных со смертоубийствами и телесными повреждениями, в Древней Руси использовались врачебные знания того времени и люди, владевшие такими знаниями («лекари») [4, с. 81; 4, с. 21]. Следовательно, первой сферой применения специальных знаний в российском суде следует считать медицину, а истоки (судебно-медицинской) уголовно-процессуальной экспертизы надлежит связывать с практикой решения судебных дел в Древней Руси.

Маловероятно, что такая практика могла исчезнуть в последующие века русской истории. В различных историко-правовых и исторических работах отмечается, что в Московском государстве она реально существовала. И хотя такая практика не была законодательно сколько-нибудь чётко регламентирована, власть, особенно в тех случаях, когда смерть имела политическое значение, к подобной «экспертизе» часто прибегала [5, с. 21].

В этом отношении наиболее хорошо в историографии исследована «судебно-медицинская деятельность» Аптекарского приказа, функционировавшего в России примерно с 1620-х гг. (в одной из недавних работ доказывается более ранняя дата его появления — 1581 г. [6, с. 18]) и ведавшего всей врачебной и аптекарской деятельностью в стране. Врачи («лекари»), обычно иностранцы, служившие в этом приказе, помимо оказания собственно врачебной помощи, также использовались для медицинского освидетельствования широкого профиля: от определения пригодности ратных людей к военной службе до определения причин смерти от отравлений [5, с. 24–29].

Деятельность Аптекарского приказа даёт необходимые основания говорить о том, что в уголовных делах XVII в. привлечение «лекарей», владевших медицинскими знаниями, приобрело устойчивый характер, несмотря на отсутствие четкой фиксации такого участия непосредственно в законодательстве русских царей.

Что касается собственно законодательной фиксации использования в судебной системе специальных знаний, то она впервые происходит в Соборном уложении 1649 г. и относится к той сфере, что в современной терминологии определяется как гражданско-процессуальное право.

В главе X «О суде» этого главного юридического памятника Московского государства можно обнаружить, как минимум, две таких статьи — 272 и 274. В них закреплялась правовая норма, устанавливавшая, что при решении споров по обязательствам («договорное право»), чтобы судить о качестве какого-либо имущества, оказавшегося предметом спора («гражданского иска»), следует прибегать к привлечению людей, обладающих необходимыми («специальными») знаниями [7, с. 62].

В первом случае (ст. 272) закон определял ответственность подрядчика (исполнителя заказа) за повреждение материала, предоставленного ему заказчиком для произведения какой-либо работы (конкретно — при обработке «узорочных товаров», то есть драгоценных камней). Из содержания статьи следовало, что правовому регулированию подлежит ущерб, нанесенный взятому для обработки камню («и небрежением тот камень розломит или какую ни будь поруху учинит»). В таком случае заказчик, подав челобитную, должен был «за тот камень взяти цену», но её размер определяли не судьи, а люди, способные реально оценить размер повреждений («чем сторонние люди оценят»). Во втором случае

(ст. 274) закон регламентировал ответственность нанимателя за предмет вещественного найма, в качестве которого фигурировали «лошадь или что иное». В случае нанесения порчи такому предмету («что да испортит»), характер и размер которой в статье не оговаривался, истцу с нанимателя также было положено получить компенсацию («за то наемное взяти цену»), и вновь размер последней определялся «по оценке сторонних людей». Правда, испорченная вещь не возвращалась, а оставалась у нанимателя [7, с. 62].

В находившейся между этими статьями ст. 273, в которой регламентировалась компенсация за испорченную одежду («платье»), взятую в ссуду или изготовленную портным (во втором случае, видимо, имелась в виду ткань для пошива), участие «сторонних людей» не упоминалось, но и по месту размещения в главе, и по контексту («взяти на них цену») [7, с. 62] вполне можно предположить, что и в этом случае не обходилось без участия «экспертов» московского времени. Во всяком случае, составители Свода законов гражданских 1832 г. (и последующих редакций 1842 и 1857 гг.) обосновывали статьи об участии сведущих людей в гражданском судопроизводстве историко-законодательными ссылками не на две, а на три рассмотренные статьи Уложения.

Исходя из текста статей, можно прийти к выводу, что мнение «сторонних людей» имело решающее значение для определения размера компенсации, поскольку никак не оговаривалась возможность подрядчика или нанимателя оспорить названную ими цену. Но тогда логично предположить, что основной критерий назначения таких людей — это их способность профессионально, на основе личного знания и опыта дать оценку, которая будет использована в качестве необходимого обоснования (денежной) компенсации. В современной юридической терминологии такие «сторонние люди» вполне подпадают под определение «экспертов» или, по крайней мере, «сведущих людей» в терминологии судебных уставов 1864 г.

Таким образом, анализ данных статей Соборного уложения 1649 г. позволяет заключить, что для правового сознания правящей элиты Московского государства уже было присуще понимание необходимости использования специальных знаний в суде при решении некоторых вопросов договорного (обязательственного) характера. Логично предположить, что такое сознание, во-первых, не могло появиться «на пустом месте», во-вторых, с большой долей вероятности уже имело практику правоприменения, в том числе если исходить из предыдущих оценок московского права на уровне обычного права.

Кроме того, на полях свитка Соборного уложения к статьям 272—274 имелась пометка «из грацких», что означало отсылку к светским статьям Кормчей книги — известного в средневековой Руси сборника церковных и светских законов, восходящих к заимствованиям из византийского церковного законодательства, но в светской части имевших в основном русское происхождение [7, с. 226].

Всё сказанное даёт основания полагать, что рассмотренные нами статьи Соборного уложения отражали сложившуюся уже к этому времени русскую судебную традицию разрешения споров посредством обращения к специальным знаниям «сторонних» (для судебной власти) людей.

Следует отметить, что в Соборном уложении можно обнаружить ещё одну статью, которая свидетельствовала о присутствии в русской судебной практике нормы, позднее хорошо известной в судебной экспертизе, — удостоверение подлинности документа по его подписи («почерковедческая экспертиза»). В ст. 103 (глава XX «Суд о холопах»), имевшей, как и многие другие статьи Уложения, каузальный характер, регламентировалось разрешение тяжбы (гражданского иска) о достоверности «кабалы на холопа» (документа, определявшего зависимость холопа от конкретного господина). Устанавливалось, что в том случае, если в распоряжении суда нет кабальных книг («писана та кабала до московского разорения»), а удостоверившие её «подъячей и послухи померли», то надлежит «про ту кабалу сыскивать иными такими кабалами. Да будет у кого такие же кабалы сыщутся, а приказной человек в тех кабалах написан тот же, которой в той спорной кабале написан, и рука с рукою сойдется, и той кабале верить» [7, с. 115]. Таким образом, в данной статье, в сущности, речь шла об «экспертизе» документа, идентичность

которого определялась по сличению подписи в данном документе и в том, достоверность которого сомнению не подвергалась. Из исследований московского права известно, что нормы, установленные в Уложении, на практике применялись «по аналогии», поэтому можно с большой степенью уверенности считать, что порядок, установленный в ст. 103, имел более широкое применение и использовался в тех случаях, когда возникали сомнения в подлинности документов.

Следовательно, именно Соборное уложение 1649 г. необходимо рассматривать в качестве первого законодательного источника, зафиксировавшего использование при разрешении (гражданских) судебных дел специальных знаний «сторонних людей» (экспертов).

Поскольку из истории права известно, что письменные нормы, как правило, закрепляли те нормы, которые уже имели определенную практику их применения, то можно полагать, что участие таких экспертов в гражданских делах в XVII в., равно как и лекарей (медицинских экспертов) в уголовных делах, имело в Московском государстве определённое распространение.

Следующая — имперская — эпоха русской истории была ознаменована многочисленными преобразованиями во всех сферах общественной жизни, начатыми Петром I и особенно активно продолженными в более чем тридцатилетнее правление Екатерины II. Они нашли естественное отражение в законодательстве XVIII в., которое обогатилось новыми правовыми представлениями, но Соборное уложение вплоть до создания Свода законов Российской империи 1832 г. продолжало оставаться основополагающим действующим наряду с новыми законами правовым актом.

Потребности изменяющейся социальной действительности и влияние европейской юриспруденции и практики побудили российскую власть среди прочих законодательных новшеств обратить должное внимание на возможности применения в суде медицинских знаний.

В юридической историографии закрепилась точка зрения, что впервые законодательное определение медицинской (врачебной) экспертизы в качестве элемента уголовного судопроизводства произошло в созданном при активном личном участии Петра I Артикуле воинском. Этот документ был впервые издан в 1715 г., а в следующем году включен как вторая часть в общий правовой сборник, известный как Устав воинский [8, с. 317].

Формально Артикул воинский предназначался для применения к военнослужащим и в военных судах, но в силу включения в него политических и общеуголовных норм стал применяться и в общих судах, то есть в сферу его действия были включены как военнослужащие, так и гражданские лица. В соединении с «Кратким изложением процессов или судебных тяжб», вошедшим в состав Устава воинского, Артикул воинский, продолжая действовать параллельно с Соборным уложением вплоть до издания Свода законов Российской империи 1832 г., выполнял функции источника норм уголовного и уголовно-процессуального права. В современной отечественной юридической историографии он оценивается как «оригинальный памятник русского права, сыгравший большую роль в развитии уголовного и процессуального законодательства России» [9, с. 60].

В гл. XIX «О смертном убийстве» Артикула воинского в толковании, присоединенном к артикулу (статье) 154, устанавливавшему смертную казнь за предумышленное убийство, указывалось, что для точного установления причин смерти необходимо привлечь специалистов во врачебном деле: «лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали и подлинно розыскали, что какая причина к смерти его была, и о том имеют свидетельство в суде на письме подать, и оное присягою своею подтвердить» [10, с. 364—365]. Кроме того, в данном толковании были определены виды телесных повреждений, которые могли привести к смертельному исходу, и даны их описания. Всё это, как отмечают исследователи, «показывает глубокое научное понимание сути судебно-медицинской экспертизы в ту пору» [5, с. 24].

Нормы медицинской экспертизы также были зафиксированы законодателем в другом документе специального применения — Морском уставе 1720 г. В гл. XV «О смертоубийстве» (Кн. V Устава) в ст. 108 устанавливалась обязанность точно определять причину смер-

ти, если она наступила не сразу после «побоев», а спустя какое-то время после них: следовало немедленно «докторам взрезать то мертвое тело и осмотреть, от чего ему смерть случилась, и о том свидетельство к суду подать на письме, подтвержденное присягою» [11, с. 76]. Кроме того, в ст. 114, устанавливавшей порядок выявления виновного в смерти, наступившей в результате драки нескольких человек, также предусматривалось участие доктора для установления причины смерти: «буде мертвый явится без всяких явных знаков, то его велеть доктору анатомировать, не явится ль внутри от того боя чего?» [11, с. 77].

Следует отметить, что в законодательстве Петра I также сохранилась преемственность с ранее существовавшей практикой освидетельствования врачами болезней, которые могли служить аргументами в принятии судебных решений по гражданским делам (вопросы расторжения брака, дееспособности в вопросах наследства, пригодности к определенному виду государственной службы и т. д.). Например, одно из узаконений петровского времени устанавливало, что принятию окончательного решения, может ли на основании болезни одного из супругов быть расторгнут брак (формально это было в компетенции церковных властей), должно было обязательно предшествовать медицинское освидетельствование больного супруга докторами [12, с. 42].

Таким образом, рассмотренные юридические документы свидетельствуют, что традиция использования специальных медицинских знаний в уголовных, отчасти – и в гражданских, делах в годы правления Петра I приобрела чёткие формы. Положения Артикула воинского и Морского устава вполне определённо регламентировали функции врача: установить точно причину смерти, представить подтверждённое собственной присягой заключение в судебный орган. Следовательно, врачебное заключение превращалось де-факто в один из элементов уголовного судопроизводства.

Однако в иных юридических документах того времени, которые специально регламентировали вопросы процессуального права, подобных норм не было. Так, в упомянутом выше «Кратком изложении процессов или судебных тяжб», основном правовом документе такого рода, устанавливались четыре конкретных вида доказательств в суде (добровольное признание, через свидетелей, через письменные доводы и через присягу), но медицинские свидетельства не фигурировали [13, с. 393]. В другом крупнейшем акте судебных преобразований Петра I – именном императорском указе от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» – вопросы доказательной базы и соответственно использования в суде медицинских свидетельств вообще не рассматривались [12, с. 147–150].

В то же время иные, не процессуальные документы XVIII в. свидетельствуют, что на практике применение судебно-медицинской экспертизы постоянно расширялось. Так, к функциям созданных в 1737 г. в Санкт-Петербурге и Москве органов городского медицинского управления – «физикатов» – было отнесено освидетельствование мертвых тел на предмет определения причин смерти и представление соответствующих заключений. Их деятельность, как и вся врачебная деятельность в России, определялась высшими органами управления в этой сфере – Медицинской канцелярией, заменившей в 1721 г. Аптекарский приказ [11, с. 412–413], а с 1763 г. – Медицинской коллегией, пришедшей на смену канцелярии [14, с. 413]. В 1732 г. в указе Анны Иоанновны было специально подчеркнуто, что Медицинская канцелярия находится в ведомстве императорского кабинета и поэтому «в оную ни откуда повелительных указов не посылать и никаких рапортов не требовать» [15, с. 630]. Аналогично, создавая Медицинскую коллегию, Екатерина II указала, что «оной коллегии быть повелеваем в нашем особливом ведении и протекции».

Практика использования медицинских знаний, как в уголовных, так и гражданских делах, к концу XVIII в. приобрела значительные размеры, охватывая: насильственные смерти; исследование вещественных доказательств, связанных с незаконным врачеванием; освидетельствование живых лиц на предмет телесных повреждений, психического состояния, годности к определенным видам деятельности и службы. Врачебные заключения в делах по насильственным смертям и телесным поврежде-

ниям имели обязательный характер, без них судебные приговоры в таких делах не выносились [5, с. 55–73].

Всё это создавало потребность в определенной систематизации на законодательном уровне медицинской деятельности, связанной с её судебно-экспертной функцией. Определённый новый шаг в этом направлении был сделан в 1797 г., когда Павел I утвердил доклад Медицинской коллегии об учреждении в губернских городах (за исключением двух столиц) Врачебных управ, которые были бы «блюстителем здравия всей губернии по воинской и гражданской части». При определении сферы деятельности губернских врачебных управ, подчинявшихся Медицинской коллегии, в их число было включено освидетельствование мертвых тел на предмет выявления причин смерти для последующего – в случае обнаруженной насильственной причины – представления этих данных судебным властям. В этой связи в документе был впервые регламентирован краткий порядок медицинского освидетельствования, «дабы верным и точным изысканием причины приключившейся смерти открыта быть могла истина».

Будучи привлечены к медицинским осмотрам и освидетельствованиям по уголовным и гражданским делам, врачи выступали в роли «сведущих по медицинской части людей», их функции были идентичны функциям официальных сведущих людей второй половины XIX в. В этом отношении медицинская экспертиза сыграла роль важнейшей предпосылки для законодательного признания всей судебной экспертизы в качестве необходимой составной части уголовного и гражданского судопроизводства Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загоскин Н.П. (1877). История права Московского государства. Т. I. Казань : Универс. тип.

2. Филиппов А.Н. (1912). Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). Ч. I. Изд. 4-е, изм. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена.

3. Русская Правда. Краткая редакция // Российское законодательство X–XX веков. Т. I. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984.

4. Линовский В.А. (1849). Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса : Тип. Л. Нитче.

5. Шершавкин С.В. (1968). История отечественной судебно-медицинской службы. М. : Изд-во «Медицина».

6. Печникова О.Г. (2015). Государственно-правовое регулирование охраны «народного здравия» в России в XVI – начале XIX вв.: историко-правовое исследование : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук. Москва.

7. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л. : Изд-во «Наука», 1987.

8. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М. : Юрид. лит., 1986.

9. Ефремова Н.Н. (2001). Артикул воинский // Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. М. : Юристъ.

10. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 48 т. : указ. Т. V. 1713–1719. № 3006.

11. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 48 т. : указ. Т. VI. 1720–1722. № 3485.

12. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 48 т. : указ. Т. VII. 1723–1727. № 4190.

13. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 48 т. : указ. Т. XVI. 1762–1765. № 11964.

14. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 48 т. : указ. Т. VIII. 1728–1732. № 5958.

15. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 48 т. : указ. Т. XXIV. 1796–1798. № 17743.

HISTORICAL AND LEGAL PREREQUISITES FOR THE FORENSIC EXPERTISE ("INFORMED PEOPLE") INSTITUTION EMERGENCE IN THE RUSSIAN PROCEDURAL LAW OF XI—XVIII CENTURIES

E.V. Tsygankova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:
According to the Russian Federation Civil Procedure Code, examination refers to the means applied in the process of cases consideration to issues requiring special knowledge. In legal science, examination is defined as a procedural law institution and, like any legal institution, it has a historical tradition of establishment and further development. In every country, this tradition had its own patterns and features to be considered when improving legislation at present stage. Therefore, studying the history of the Russian expertise, including the legislative support in civil proceedings, is a key problem of historical and legal science. The problem is highly researched through the materials of the Soviet and modern civil process, but the establishment and development of the institution of expertise throughout the centuries-old history of the Russian law is yet to be comprehensively covered in the historical and legal literature.

One of the urgent **scientific purposes** is, using the legislative sources, to restore the gradual differentiation of the institution of examination from the entire procedural law starting from the time of Ancient Rus and up to the 1864 judicial reform.

The methodological background for such a historical and legal reconstruction is a dialectical combination of formal legal and comparative legal methods.

The informational basis for the scientific research of this scientific problem is provided through a set of the published legislative documents of the Ancient Rus, the Moscow state and the Russian Empire times covering issues of using expert knowledge (knowledge of "informed people" in Russia's terminology) in criminal and civil proceedings.

The main **research results** are the identified development trends of perceptions about the need and usefulness of special knowledge used to solve complex issues of legal proceedings in the legal consciousness of the given time periods.

The research provides for the **conclusions** that such perceptions emerged in the times of the Old Russian state, legislatively formalized in the Moscow state and differentiated as an element, primarily, of the criminal proceedings in the XVIIIth century. Such development character could be explained by the authorities' main practical interest in using special knowledge, providing the leading position for medical expertise for that time period.

KEYWORDS: forensic science, expert, procedural law.

AUTHORS' INFORMATION:

Evgeniya V. Tsygankova – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 660020, Russia); sherstennikova_e@mail.ru.

FOR CITATION: Tsygankova E.V. (2020). Historical and legal prerequisites for the forensic expertise ("informed people") institution emergence in the Russian procedural law of XI–XVIII centuries, *Municipality: Economics and Management*, no. 3 (32), pp. 16–24.

REFERENCES

1. Zagoskin N.P. (1877). *The history of the law of the Moscow state*. Vol. I. Kazan, University typography.

2. Filippov A.N. (1912). *Textbook on the history of Russian law (Lecture manual)*. Part I. Ed. 4th, rev. and add. Yuryev, Typography of K. Matthissen.

3. Russian Truth. Brief edition, *Russian legislation of the 10th – 20th centuries*. Vol. I. Legislation of Ancient Rus. Moscow, Juridical literature, 1984.

4. Linovsky V.A. (1849). *The experience of historical research on the investigative criminal proceedings in Russia*. Odessa, Typography of L. Nitsche.

5. Shershavkin S.V. (1968). *History of the domestic forensic medical service*. Moscow, Publishing house "Meditsina".

6. Pechnikova O.G. (2015). State-legal regulation of the protection of "public health" in Russia in the 16th – early 19th centuries: historical and legal research. Abstract of Advanced Doctor's degree dissertation. Moscow.

7. Cathedral Code of 1649. Text. Comments. Leningrad, Publishing house "Science", 1987.

8. Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 volumes. Vol. 4. Legislation of the period of formation of absolutism. Moscow, Juridical literature, 1986.

9. Efremova N.N. (2001). Military article. In: Boris N. Topornin (ed.) *Legal encyclopedia*. Moscow, Yurist.

10. Complete Collection of the Laws of the Russian Empire: First Collection: From 1649 to December 12, 1825. Saint Petersburg, Typography of the 2nd Branch of the Own Chancery of H.I.M., 1830. 48 volumes. Vol. V. 1713–1719, no. 3006.

11. Complete Collection of the Laws of the Russian Empire: First Collection: From 1649 to December 12, 1825. Saint Petersburg, Typography of the 2nd Branch of the Own Chancery of H.I.M., 1830. 48 volumes. Vol. VI. 1720–1722, no. 3485.

12. Complete Collection of the Laws of the Russian Empire: First Collection: From 1649 to December 12, 1825. Saint Petersburg, Typography of the 2nd Branch of the Own Chancery of H.I.M., 1830. 48 volumes. Vol. VII. 1723–1727, no. 4190.

13. Complete Collection of the Laws of the Russian Empire: First Collection: From 1649 to December 12, 1825. Saint Petersburg, Typography of the 2nd Branch of the Own Chancery of H.I.M., 1830. 48 volumes. Vol. 1762–1765, no. 11964.

14. Complete Collection of the Laws of the Russian Empire: First Collection: From 1649 to December 12, 1825. Saint Petersburg, Typography of the 2nd Branch of the Own Chancery of H.I.M., 1830. 48 volumes. Vol. VIII. 1728–1732, no. 5958.

15. Complete Collection of the Laws of the Russian Empire: First Collection: From 1649 to December 12, 1825. Saint Petersburg, Typography of the 2nd Branch of the Own Chancery of H.I.M., 1830. 48 volumes. Vol. XXIV. 1796–1798, no. 17743.